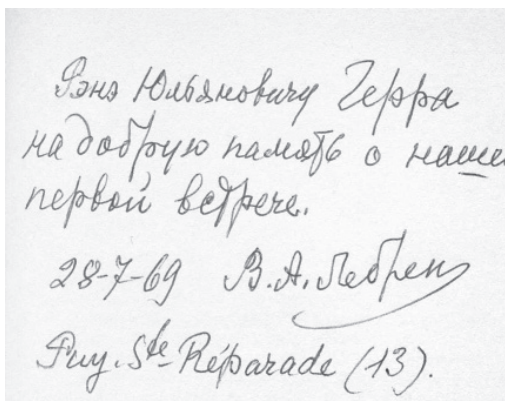


НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА С ВИКТОРОМ ЛЕБРЕНОМ

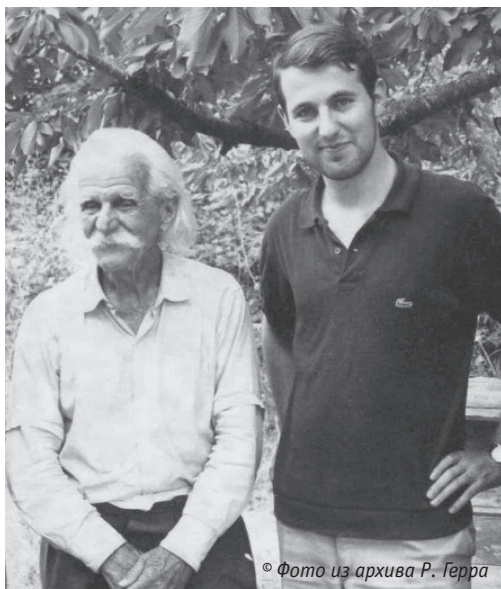
С Виктором Лебреном я познакомился совершенно случайно, благодаря другу моего старшего брата. Было это в июле 1969 года. Уже тогда я знал, что Лебрен когда-то был знаком Львом Николаевичем Толстым, имя



которого знала вся мировая литература. Чтобы встретиться с ним, мы из Ниццы отправились в деревню Puu Sainte-R parade, недалеко от Экс-ан-Прованса. Там нас очень тепло и радушно встретил бодрый, не смотря на свои восемьдесят семь лет, старик, который говорил на замечательном «дореволюционном» русском языке. Он мне напомнил тех русских белоэмигрантов, которые меня научили этому «царскому» (во всех смыслах) русскому языку. Словом, я сразу

попал под его обаяние, был покорён его непосредственностью и прекрасными манерами.

Жил Виктор Лебрен более чем скромно, в маленьком домике в тени оливковых деревьев, занимался пчеловодством. Мне он рассказал, что с пятилетнего возраста жил в России, т. к. его отец строил Сибирскую железную дорогу. А Лев Толстой, по его словам, уже «весной 1899 года привлек его как мыслитель к себе навсегда».



В. Лебрен, Р. Герра

попал под его обаяние, был покорён его непосредственностью и прекрасными манерами. Жил Виктор Лебрен более чем скромно, в маленьком домике в тени оливковых деревьев, занимался пчеловодством. Мне он рассказал, что с пятилетнего возраста жил в России, т. к. его отец строил Сибирскую железную дорогу. А Лев Толстой, по его словам, уже «весной 1899 года привлек его как мыслитель к себе навсегда».

15 октября того же года семнадцатилетний гимназист написал из Владивостока на восьми страницах Л. Н. Толстому первое письмо. Так великий писатель стал, уже в конце XIX века, его учителем. Более того: оказалось, что Виктор Анатольевич, как он просил его величать, не только в течение десяти лет был с ним в переписке, но летом 1906 года стал его личным секретарем. Легко себе представить моё состояние — запросто общаться с близким человеком Титана, слушать его задушевные рассказы о жизни в Ясной Поляне.

В Викторе Анатольевиче было много наивного, трогательного. Он был убеждённым пацифистом, выступал против ядерного оружия, о чём свидетельствовали плакаты за разоружение на стене его столовой, — одним словом, этот последний тол-



В. Лебрэн, Р. Герра, Ж-К. Масса, А. Герра

стовец по-прежнему жил по заветам Наставника. Глядя на этого поистине «русского француза», бывшего секретаря Толстого, я невольно вспоминал Б. К. Зайцева — последнего русского классика XX века, у которого в то время и я выполнял обязанности литературного секретаря.

Виктор Анатольевич великодушно подарил мне и трогательно надписал свою книгу «Devoto a Tolstoj» (Преданный Толстому), изданную в Милане в 1963 году, — и сразу у меня возник вопрос: почему эти уникальные воспоминания так и не вышли в свет по-французски? Какие всё-таки ленивые и нелюбопытные в массе эти французы, а тем паче бездарные французские слависты! Вот ведь рядом, всего в каких-то тридцати километрах, в стариннейшем университетском городе Экс-ан-Провансе, издавна существует крупнейшая кафедра русского языка и литературы — с двумя профессорами и с полдюжиной доцентов, преподавателей и лекторов. Но вот беда: там в те годы кафедрой этой заведовал Поль Гард. Будучи гимназистом в Каннах, я знал его как преподавателя латыни, древнегреческого, а позже и русского. Увы, этот «профессор-славист» (как, зачастую, многие из его коллег) не мог двух слов связать по-русски. Видно, на манер латинского, и русский язык остался для него «мёртвым». Вот он и остерегался встречи с Лебреном — человеком, блестяще владеющим русским.

Зато, небезызвестный И. С. Зильберштейн в один из своих заездов в Париж, как пишет его вдова Н. Б. Волкова (долгие годы занимавшая пост директора ЦГАЛИ): «...узнав, что в деревне, недалеко от Марселя на юге Франции, живёт бывший секретарь Л. Н. Толстого Виктор Лебрэн, у которого сохранились письма великого писателя, вылетел в Марсель, откуда

Ида Марковна Шагал отвезла его к Леброну. Таким образом, 20 писем Толстого оказались в Москве...» («Парижские находки». К 100-летию со дня рождения И. С. Зильберштейна, с. 16, изд. «Красная площадь», М. 2005).

Зильберштейн даже не предложил, в знак благодарности, издать его воспоминания, хотя прекрасно понимал, что тем самым мог бы украсить



© Фото из архива Р. Герра

В. Лебрен в своём кабинете, (за ним — парижская газета «Русская мысль»)

последние годы его жизни. Кстати, летом 2004 года в очередном выпуске сборника РГАЛИ (быв. ЦГАЛИ) «Встречи с прошлым» я с изумлением прочёл, что мадам Волкова, — та самая, которая десятилетиями бессовестно призывала небогатую советскую интеллигенцию безвозмездно передавать в Центральный государственный архив свои сокровища — письма, рукописи, книги с автографами великих русских писателей; рисунки, акварели именитых художников, — хо-

чет продать в РГАЛИ часть оставшегося архива своего покойного мужа, и что создана комиссия экспертов по его оценке. Своё возмущение я и выразил участникам встречи, состоявшейся 14 сентября 2004 года в читальном зале РГАЛИ (см.: «Отечественные архивы». М., 2004. № 6. С. 129–130).

К счастью у меня сохранились фотографии той нашей встречи, и я рад представившейся возможности их опубликовать, как дань памяти истинному патриоту России, незабвенному Виктору Анатольевичу Леброну.

P.S. Нечаянная радость! Потрясающая новость! Ровно сорок лет спустя, — о, чудо! — мой друг, замечательный художник и скульптор Игорь Шелковский передал мне ксерокопию рукописи В. А. Леброна, полученную им от француженки, которая хотела исполнить заветное желание своего друга и соседа — издать его воспоминания в России. Я, в свою очередь, предложил опубликовать наиболее интересные фрагменты рукописи в альманахе Русский мирь.

Что ж, рукописи не горят!

А пути Господни поистине неисповедимы!

Ренэ Герра
Ницца, март 2010 г.